

УДК 140.8

А.А. Пылькин

МЕСТО ПСИХОАНАЛИЗА В АРСЕНАЛЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ

ПЫЛЬКИН Александр Александрович – доцент кафедры философии Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: apylkin@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена выявлению причин популярности психоанализа в западном обществе и определению его места в идеологии неолиберализма, образующей идеологемой которого выступает обладающий «свободным желанием» индивид. Психоаналитическая концепция бессознательного рассматривается в качестве универсального демонтирующего элемента, который выполняет функцию деструкции любой не вписывающейся в матрицу западных ценностей идентичности индивида.

Ключевые слова

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ; СВОБОДНОЕ ЖЕЛАНИЕ; СОПРОТИВЛЕНИЕ; ВЫТЭСНЕННОЕ; СТРУКТУРА; ТРАДИЦИЯ.

Благодаря Фрейдю концепция бессознательного проделала путь от узко специальной объяснительной модели в рамках психотерапевтических практик до универсальной культурной парадигмы, в корне изменившей представления о природе человека. Чем же можно объяснить такой успех фрейдизма, с легкостью захватившего сознание западного человека и оставившего позади других конкурентов в борьбе за адекватную тематизацию бессознательного, таких, например, как аналитическая психология Юнга? На наш взгляд, это произошло не только и не столько потому, что психоанализ оказался простейшей моделью, объясняющей работу бессознательного. Именно фрейдизм наиболее подходящим образом соединился с господствующей в западном мире либеральной идеологией. Он не только встроился в нее, обновив ее классические формы, но и стал ее важнейшим элементом, выполняющим функцию универсального демонтирующего алгоритма. Причем вышесказанное относится не только к классическому психоанализу фрейдистского толка, но и к так называемому структурному психоанализу Ж. Лакана, в постмарксистском

изложении С. Жижека претендующему на критическую позицию в отношении идеологии.

Базовой ценностью либеральной идеологии, сформировавшейся в Новое время и эпоху Просвещения, является свободный индивид, избавившийся от предрассудков и самостоятельно пользующийся своим сознанием, а также вступающий на разумных основаниях (закрепленных в законодательных актах) в отношения с другими такими же индивидами – для удовлетворения своих естественных потребностей. В современном изводе либеральной идеологии – неолиберализме – свобода индивида уже не связывается с разумом и сознанием, отошедшими в поле правового дискурса и осевшими во всевозможных кодексах и конституциях. Начиная с конца XVIII века прорвавшийся в человеческое (как в виде опусов Йенского кружка, так и, по-видимому, в нередких крахах финансовых предприятий нарождающихся буржуа) иррационализм требует своей доли. Сознание с его динамическим моментом, волей, уже не покрывает природы человека, уступая свои динамические детерминанты бессознательному. Именно Фрейд и его последователи, определив

содержание бессознательного как сексуальность, провозгласили новый идеал свободы — индивида, свободно пользующегося своим желанием. Неслучайно на рубеже XX—XXI веков к таким свободам, как вероисповедание или участие в гражданской жизни, добавляется, например, свобода гендерной репрезентации. Теперь место «свободы сознания» в средоточии либеральной идеологии занимает «свобода желания». Во многом такого рода трансформация «свободы» завершила начавшуюся на североамериканской почве демократизацию поначалу жестко привязанных к имущественному цензу либеральных ценностей.

Безусловно, к концу XIX века в буржуазном обществе скопился ряд проблем сексуального характера, которые позитивистская медицина решить не могла. В частности, это распространенная в женской части европейской буржуазии и аристократии истерия, в процессе успешного лечения которой и выкристаллизовался психоанализ. Тем не менее с началом Первой мировой войны и последовавшей за ней эпохи революций обществу стало не до женской истерии. Фрейд утратил большую часть своей практики и сосредоточился на психоаналитической теории. Он опирался на эмпирическую базу наполовину заимствованных клинических случаев, исход которых подчас не был успешен. Общеизвестны, к примеру, беспомощность Фрейда перед психозом и такой чисто технический казус психоаналитической практики, как контрперенос, в более чем половине случаев не обеспечивающий завершения лечения [1, с. 14–17]. Однако все это не помешало Фрейду обобщить свой опыт лечения невротических состояний в универсальную концепцию человека. Распространение и популярность психоанализа (в том числе и в среде интеллектуалов — особенно его структуралистского извода) вопреки такого рода недостаткам научности и технологическим дефектам объясняются его идеологической востребованностью в постиндустриальном обществе Запада второй половины XX века.

Исходным психическим фактом, сталкиваясь с которым в своих клинических практиках Фрейд постулирует наличие бессознательных вытесненных содержаний сексуального характера, является сопротивление [2, с. 353]. Рефлексивная сосредоточенность пациента на ситуации аналитического сеанса не дает психо-

терапевту продвинуться в определении симптома. Согласно теории Фрейда, это следствие сопротивления, исходящего от бессознательной части Я. Сопротивление направлено на подавление вытесненных в детском возрасте инцестуозных либидинальных тенденций, которые суть лишь небольшая часть бессознательного, Оно, заполненного свободными сексуальными влечениями. Такое патогенное ядро исподволь блокирует доступ к свободной сексуальности. Задача психоанализа — разблокировать желание индивида, освободить его природу, наладив два взаимодополнительных канала разгрузки — собственно сексуальный и творческий канал для сублимированных влечений, т. е., как говорит сам Фрейд, «научить людей любить и работать» в условиях неизбежно невротической культуры.

Интересно, что, согласно Фрейду, вытесненное побуждение может, как бы узурпировав, стянув на себя энергию свободной сексуальности, «развить движущие силы», не встречая преград в разгрузке, и тогда «Я не заметит принуждения» [Там же. С. 360]. Другими словами, возможно, что индивид так и не встретит затруднений в разгрузке психической энергии ввиду, например, принадлежности к какой-либо религиозной традиции с достаточно разработанными компенсаторными механизмами. Поэтому должен быть некто, призванный просветить закосневшего в собственных предрассудках индивида, рассказав ему о том, что он «на самом деле» движим своей несвободной, патогенной сексуальностью. Такого рода «мессианский потенциал» генетически свойствен психоанализу, продолжающему традицию европейского Просвещения. Любой психоаналитик «знает», что сопротивление анализу есть неосознаваемое сопротивление попытке довести до осознания индивида его постыдные желания, которые и сковывают его настоящую либидинальную свободу. При этом любое сосредоточенно-критическое отношение к речам гуру-аналитика (например, по поводу того, что вся психическая динамика обусловлена сексуальностью) будет проинтерпретировано как признак внутреннего (психического) конфликта, порожденного в конечном счете страхом перед «истиной», неспособностью согласиться с непристойной изнанкой человеческого вообще. Это и произошло, по-видимому, с любимым учеником Фрейда

Юнгом, ошеломленно воскликнувшим: «Непростительным заблуждением было бы считать формы еврейской психологии общезначимыми!» [1, с. 41].

Бессмысленно сопротивляться так проявляющему себя психоанализу, ибо он оказывается лишь бессодержательным, функциональным элементом идеологии либерализма с ее базовым принципом индивидуализма. Психоанализ выполняет функцию универсального алгоритма деструкции любых альтернативных форм социального бытия. Никакая идентификация с чем-либо превосходящим индивида, будь то народ, конфессиональная, родовая или классовая принадлежность, не устоит перед интерпретирующим напором анализа. Сопротивление идеологеме индивидуализма с позиций принадлежности к той или иной всеобщности будет истолковано как сопротивление вытесненным либидинальным побуждениям непристойного характера. Причем любые проявления смущения, стыда, совести, покаяния, маркирующие идентификацию индивида с вышестоящей инстанцией, психоанализ в данном случае сведет к угнетающему воздействию комплекса кастрации, т. е. к имеющему сексуальную природу страху.

Например, апелляция к фигуре чужака в контексте критики толерантности (а данная фигура на деле неотъемлема для любой состоявшейся культуры: например, варвар – говорящий непонятно – в античной Греции, чурка – представитель тюркской народности – в русской культуре, гой – инородец – в иудаизме) будет объявлена ксенофобией. Психоанализ расшифрует ее как перенесение конфликта на «инородное социальное тело», что будет обусловлено страхом обнаружить под своей устойчивой, органической идентификацией принципиально чуждое, патогенное ядро, эту фундаментальную нехватку в средоточии символического порядка [3, с. 131–134]. Другими словами, сопротивление политике толерантности будет сведено к страху перед свободой, состоящей в понимании глубинной извращенности любой культурной идентичности. Попытка отстаивать традиционный семейный уклад превратится в гомофобию, т. е. в сопротивление собственным неосознаваемым гомосексуальным влечениям, спровоцированным регрессией к ранним фазам сексуальности. Несогласие с секспросветом

(и ювенальными технологиями вообще) с точки зрения принадлежности к культуре с традиционной семейной моделью будет истолковано как бессознательная боязнь утратить власть над ребенком, отсылающая к скрытым садистическим наклонностям и т. д.

По Лакану, вышеупомянутая идентификация всегда есть фантазматическое либидо, которому не хватает смелости, настаивая на своем желании, «перейти за-через фантазм» той или иной всеобщности, чтобы встретиться с чистым влечением к смерти [Там же. С. 123–124]. Такое предприятие якобы возвышает индивида до подлинного осознания собственной конечности, в горизонте которого пульсирует его теперь свободное либидо. С этой как бы высшей точки «просвещенного индивида», возвышенного в своей несчастливой недоопределенности, и осуществляет психоанализ свою критику идеологии марксизма, национализма, религиозного фундаментализма и пр., оказываясь при этом рабочим элементом идеологии неолиберализма. Последняя в качестве конечной цели и ценности утверждает некоего полноправного субъекта своих освобожденных желаний, когда остальные индивиды выступают «добровольными» объектами его либидинальных инвестиций. Критерий подлинности такой либидинальной динамики – это, как было сказано, оборачивающаяся «неутолимим голодом», рефлексированная недоопределенность индивида перед лицом пустоты.

Лакановская критика идеологии, развернутая Жижекком, нацелена прежде всего на разрушение традиционных идентификаций. И вот почему. Структурный психоанализ Лакана онтологизирует структурно-символическое измерение языка, полностью абстрагируясь от вынесенных Соссюром за скобки (в целях анализа языка как системы) физиологических, исторических, географических и прочих условий реализации действительной речевой ситуации [4, с. 33–34]. Дело в том, что в «Курсе общей лингвистики» структура фигурирует лишь как объяснительная модель, тогда как структуралисты, и в частности Лакан, наделяют ее свойствами реальной вещи [5, с. 418–419]. Таким образом, когда структура выступает в качестве инстанции символического, все такого рода реалии (голос, тело, лицо, кровь, ландшафт и пр.) оказываются лишь эффектами цепочек означа-

ющих. «Заслужой» Жижека является сведение к эффектам структуры в том числе и социальных связей, и установлений. Однако так называемая «идеологическая пристежка» [3, с. 93–94] никогда не осуществляется в вакууме, с парящими в нем означающими, но предполагает сложные, разветвленные связи традиции. Так, например, приравнивая в качестве некоего усредненного «тоталитаризма» Третий рейх и сталинскую Советскую Россию, Жижек не учитывает, что господство идеологии «сталинского марксизма» оказалось возможным лишь при ее наложении на пронизанную традициями византизма русскую общину. При этом были сохранены такие на первый взгляд противоречащие марксист-

ской идеологии, но имеющие свои основания в традиции институты, как, например, расширенная семья, церковь или национально ориентированное образование.

Территориально укорененная традиция опосредует любую идеологию, выступая ее нередуцируемой средой. Эти-то связи и купирует структурный фрейд-марксизм Жижека. Агент такой критики – «несущий все бремя знания реального» интеллектуал, усталый от собственного бездействия, но не смирившийся с ним, а потому продолжающий свое дело как письменно, так и устно. Сама эта критика негативна и бессодержательна. Между тем ее функция – расчищать путь для содержания либеральной идеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юнг К.-Г. Сознание и бессознательное / пер. с нем. В. Бакусева. Изд. 2-е. М.: Академ. проект, 2009. 188 с.
2. Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет: [пер. с нем.]. В 2 т. Т. 1. Тбилиси: Мерани, 1991. 400 с.
3. Жижек С. Возвышенный объект идеологии / пер. с англ. В. Софронова. М.: Худож. журн., 1999. 240 с.
4. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. с фр. А. Сухотина; под ред. и с примеч. Р.И. Шор. Изд. 3-е, стер. М.: КомКнига, 2006. 256 с.
5. Эко У. Отсутствующая структура / пер. с итал. В. Резник и А. Погоняйло. СПб.: Симпозиум, 2004. 544 с.

A.A. Pylkin

SIGNIFICANCE OF PSYCHOANALYSIS IN ARSENAL OF LIBERAL IDEOLOGY

PYLKIN Alexander A. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: apylkin@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the task of exposing the reasons of popularity of psychoanalysis in western society and pointing its place in neoliberal ideology, that based on the idea of an individual which possess “free wish”. Psychoanalytical theory of the unconscious is regarded as universal dismantling element that performs the function of destruction of any individual identity that doesn’t fall into the pattern of modern western values.

Keywords

LIBERAL IDEOLOGY; FREE WISH; RESISTANCE; DISPLACED; STRUCTURE; TRADITION.

REFERENCES

1. Yung K.-G. *Soznaniye i bessoznatelnoye* [Consciousness and unconsciousness]. Moscow, Akademicheskij proyekt Publ., 2009. 188 p. (In Russ.)
2. Freyd Z. "Ya" i "Ono". *Trudy raznykh let* ["I" and "It". Works of the different years]. In 2 vol. Of vol. 1. Tbilisi, Merani Publ., 1991. 400 p. (In Russ.)
3. Zhizhek S. *Vozvyshennyy obyekt ideologii* [The Sublime Object of Ideology]. Moscow, Khudozhestvennyy zhurnal Publ., 1999. 240 p. (In Russ.)
4. Sossyur F. de. *Kurs obshchey lingvistiki* [Course in General Linguistics]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 256 p. (In Russ.)
5. Eko U. *Otsutstvuyushchaya struktura* [Absent structure]. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2004. 544 p. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2014